

Специфика
польской рецепции
Л. Н. Толстого в
свете оппозиции
«Россия — Европа»
(на материале
юбилейных
откликов 1908 г.)

The Specificity of the
Polish Reception of Leo
Tolstoy in the Light of
the Dichotomy “Russia
vs. Europe” (Based on
Articles Published on
the Occasion of the
1908 Anniversary)

Иоанна Пиотровска

Варшавский университет
Варшава, Польша

Joanna Piotrowska

University of Warsaw
Warsaw, Poland

Резюме

Цель статьи — в контексте восьмидесятилетнего юбилея Л. Н. Толстого выявить и рассмотреть основные компоненты его образа (художник, апостол, философ) в польскоязычной прессе Австро-Венгрии и Царства Польского. В качестве материала используются три юбилейных отклика 1908 г.: отклик Г. Сенкевича в краковской газете «Czas» («Время»), анонимный отклик в варшавской газете «Przegląd Poranny» («Утреннее обозрение») и анонимный отклик в газете «Kurier Warszawski» («Варшавский курьер»). В отклике Сенкевича Толстой представлен как религиозный проповедник и чуждый европейской культуре писатель. Говоря о национальной специфике Толстого-художника, Сенкевич отталкивается от противопоставления отсталой,

Цитирование: *Пиотровска И.* Специфика польской рецепции Л. Н. Толстого в свете оппозиции «Россия — Европа» (на материале юбилейных откликов 1908 г.) // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 352–367.

Citation: Piotrowska J. (2019) The Specificity of the Polish Reception of Leo Tolstoy in the Light of the Dichotomy “Russia vs. Europe” (Based on Articles Published on the Occasion of the 1908 Anniversary). *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 352–367.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.13

несвободной и непросвещенной России, чьим голосом является Толстой, прогрессивной, свободной и просвещенной Европе, к которой польский писатель причисляет и себя. Сходным образом Толстой представлен в отклике в газете «Kurier Warszawski». Однако автор показывает Толстого не проповедником, а оригинальным русским философом. Противоположный образ Толстого содержится в публикации газеты «Przegląd Poranny». Здесь Толстой представлен как художник и мыслитель общемирового значения, а его творчество — как достояние всей мировой культуры. В итоге в польских юбилейных публикациях 1908 г. в той или иной степени оказалась задействована оппозиция «Россия — Европа». Специфика восприятия Толстого соотносится с проевропейской и пророссийской позициями польской интеллигенции того времени.

Ключевые слова

Л. Н. Толстой, Г. Сенкевич, польская рецепция, польская пресса, польско-русские культурные связи

Abstract

The purpose of this article is to identify and examine the main components of Leo Tolstoy's image (as an artist, an apostle, and as a philosopher) in the Polish-language press of Austria-Hungary and the Tsardom of Poland in the context of the celebrations to mark the author's eightieth birthday. I draw upon three contemporary journalistic reactions: an article by Henryk Sienkiewicz in the Kraków newspaper "Czas" ("Time"), an anonymous piece in the Warsaw daily "Przegląd Poranny" ("Morning Review"), and another anonymous piece featured in "Kurier Warszawski" ("Warsaw Courier"). Sienkiewicz's article represents Tolstoy as a religious preacher and as a writer alien to European culture. In describing the national specificity of Tolstoy the artist, Sienkiewicz departs from the contraposition between backward, non-liberal and unenlightened Russia whose voice is Tolstoy and progressive, liberal and enlightened Europe with which the Polish writer associates himself. Tolstoy is painted in similar colours in the "Kurier Warszawski" feature. However, the anonymous author describes Tolstoy not as a preacher but rather as an original Russian philosopher. "Przegląd Poranny" presents an entirely opposite image of Tolstoy. Here, Tolstoy emerges as a globally significant artist and thinker, whose work is a legacy of international cultural achievement. Polish responses to Tolstoy's eightieth birthday thus made use of the dichotomy "Russia vs. Europe" in varying degrees. The specificity of Tolstoy's reception by Polish-language media correlates with the pro-European and pro-Russian positions of the Polish intelligentsia at the time.

Keywords

Leo Tolstoy, Henryk Sienkiewicz, Polish reception, Polish press, Polish-Russian intercultural connections

Россия в разные периоды своего исторического развития воспринимала себя включенной либо в европейский контекст (западное направление политики Ивана Грозного, а потом Петра I), либо в азиатский (татаро-монгольское иго, восточное направление политики Ивана Грозного

и Петра I), или же осмысляла себя как страну, у которой свой «особый путь» [...], основанный на ее допетровском наследии, православной духовности и общинном духе» [Зорин 2018: 41]. В случае же Польши связь с Европой осмыслялась по-другому: последовавшее за принятием католицизма «развитие польской культуры в кругу *Rex Latina* становится национальным идентификатором [курсив автора. — И. П.]» [Липатов 2014: 56]. Вопрос принадлежности к европеизму получил разрешение в идеологии сарматизма, в русле которого часть польской шляхетской интеллектуальной элиты отделяла себя как единственных потомков античных сарматов (не-славян) от славян [см.: Лескинен 2002]. Таким образом, если одним из ключевых для русской самоидентификации был вопрос о правомерности причисления себя к европейскому пространству, то для польской — о принадлежности к европейской культуре, наследовавшей античной. Эти различия были обусловлены не в последнюю очередь религиозно-конфессиональной спецификой.

Получив идеологическое наполнение, актуализирующая разграничение «своих» и «чужих» оппозиция «Россия — Европа» оказалась особенно востребованной на польской почве в период «поисков путей существования нации без государства» [Липатов 2014: 61]. Интересно отметить, что эта оппозиция повлияла на характер восприятия Л. Н. Толстого в Польше¹, в частности, на юбилейные отклики 1908 г. в польской прессе.

В указанных откликах был сконцентрирован полувековой опыт польской рецепции Толстого², которая формировалась как под русским, так и под европейским, французским в особенности, влиянием [см.: Gerlecka 1960: 150–152, 156–158; Бялокозович 1965: 252–258]. Однако если в России и в остальной Европе к 1908 г. Толстой имел прочный авторитет³, то в польском культурном пространстве ситуация была

¹ Следует иметь в виду, что в рассматриваемое время единого польского государства не существовало: территория Польши была разделена между Россией (Царство Польское), Пруссией и Австро-Венгрией. Далее мы рассматриваем публикации из польской прессы, выходившей в Царстве Польском и Австро-Венгрии.

² Первая информация по-польски о Толстом появилась в 1858 г. в варшавском издании «Księga świata» («Книга мира») [Księga świata 1858: 180; см.: Gerlecka 1960: 148].

³ Приведем два примера из чешской и английской прессы. В опубликованном в газете «Venkov» анонсе иллюстрированного издания «Войны и мира», выпускаемого пражским издательством Йозефа Рихарда Вилимека (Josef Richard Vilímek), Толстой представлен как «великий русский писатель, философ, реформатор и пророк нового времени» («velký ruský spisovatel, filosof, reformátor a prorok nové doby» [Venkov 1908]; здесь и далее перевод наш. — И. П.). В свою очередь, в опубликованном «The Daily News» анонсе биографии «The Life of Tolstoy. The First Fifty Years», принадлежащей Эйлеру Моду (Aylmer Maude), Толстой назван «величайшим из живущих русских» («the greatest of

не столь однозначной. Выходящие отдельными изданиями с 1890 г. переводы художественных произведений Толстого, в том числе романов «Война и мир»⁴ и «Анна Каренина»⁵, в большинстве случаев не вызвали резонанса в польской критике, что было обусловлено также расцветом национальной литературы (прежде всего польского романа) [см.: Gerlecka 1960: 161–162]. Исключение составил роман «Воскресение», широко обсуждавшийся польской критикой [см.: Senczuk 1956]. Неоднозначно воспринимались также «реформаторская мысль» («reformatorska myśl» [Gerlecka 1960: 162]) Толстого и «сама его личность» («sama jego osoba» [Ibid.]), которые при этом вызывали у польской аудитории живой интерес.

Специфика польской рецепции Толстого находит отражение в юбилейных откликах 1908 г.: Толстой-художник постоянно оказывается в тени Толстого-мыслителя. Пытаясь определить культурную принадлежность Толстого, польские авторы оперируют характеристиками «русский» или «мировой» (причем «мировой» понимается и как «всемирный», и как «интернациональный»).

Далее на примере трех юбилейных откликов ([Sienkiewicz 1908a; Przegląd Poglądny 1908; Kurier Warszawski 1908]) мы рассмотрим основные компоненты образа Льва Толстого (художник, апостол, философ) в польскоязычной прессе и их соотношение с оппозицией «Россия — Европа».

* * *

Мнение Г. Сенкевича о Толстом, высказанное письменно по просьбе редакции «Русских ведомостей»⁶, было первой реакцией на юбилей русского писателя в польской прессе⁷. В этой публикации отразился взгляд ведущего польского писателя⁸ и, как подчеркивалось в редакционной

living Russians»), «русским пророком» («the Russian prophet»), «апостолом непротивления» («the apostle of non-resistance») [The Daily News 1908]. Некоторое представление о рецепции Толстого в Западной Европе дает не лишенный тенденциозности, но содержательный очерк Х. Штульц [см.: Штульц 1965].

⁴ Wojna i pokój. Romans historyczny Lwa hr. Tolstoja, tłum. Alfa, 1–9, Gródek, 1894 [см.: Grzegorzczak 1964: 113].

⁵ Leon N. Tolstoj, Anna Karenina, przekł. J. W[ołowskiego], 1–3, Kraków, 1898–1900 [см.: Grzegorzczak 1964: 121].

⁶ Эта информация была указана в краткой редакционной заметке к польской публикации [см.: Sienkiewicz 1908a].

⁷ Этот текст был опубликован по-русски 10 сентября (28 августа) [Сенкевич 1908], а по-польски — уже 5 сентября 1908 г. Следует отметить, что отклик Сенкевича активно перепечатывался (полностью либо частично) польской прессой [см., напр.: Sienkiewicz 1908b; Sienkiewicz 1908c; Sienkiewicz 1908d; Sienkiewicz 1908e].

⁸ Из широко известных польских писателей редакции русских газет обратились также к Б. Прусу и Э. Ожешко. Их ответы появились в русской, а затем польской

заметке, «выдающегося представителя европейской мысли» («wybitny przedstawiciel europejskiej myśli» [Sienkiewicz 1908a]) на сопоставимого по величине представителя русской культуры. Взгляд Сенкевича во многом определил специфику польской рецепции Толстого в контексте его восьмидесятилетнего юбилея. В то же время это был не совсем обычный юбилейный отклик: в восприятии симпатизировавшего идеям сарматизма Сенкевича польская культура принадлежала европейской цивилизации, которую он противопоставлял славянской. Укажем также, что юбилейный отклик Сенкевича возник через несколько месяцев после получения письма от Толстого. В этом письме от 27 декабря 1907 г. Толстой ответил на публичный призыв Сенкевича противодействовать прусским планам отчуждения земли у поляков [Sienkiewicz 1907]. Ответ Толстого стал для Сенкевича полной неожиданностью⁹.

Ключевой для сенкевичевского взгляда на Толстого была оппозиция «Россия — Европа». Польский писатель изначально педалировал русскость Толстого, видя в нем не просто «такого рода ум, который мог вырасти только на русской почве» («tego rodzaju umysł, który mógł wyrosnąć tylko z rosyjskiej gleby» [Sienkiewicz 1908a]), но подлинное воплощение чуждой европейской культуре «русской души»:

Zbiorowa dusza waszego ludu, przygnieciona niesłychanym brzemieniem niedoli i niewoli, a zarazem mistyczna, zrażona do życia zewnętrznego, a zajęta wewnętrznym i zaświatowym, szukająca ulgi w sektach religijnych, przemówiła przez jej [sic!] usta głosem, który usłyszał cały świat [Ibid.]¹⁰. — Коллективная душа вашего народа, придавленная неслыханным гнетом недоли и неволи, и одновременно мистическая, нацеленная против внешней жизни и поглощенная внутренним и неземным, ищущая облегчения в религиозном сектантстве, обрела через ее [sic!] уста голос, который услышал целый свет.

Воплощенные в Толстом отличительные черты «русской души» Сенкевич видел в ярко выраженном мистическом начале и в противостоящем западной «просвещенной» религиозности еретичестве. При этом

прессе позднее, чем текст Сенкевича, уже после толстовского юбилея. Письмо Ожешко впервые было опубликовано 6 (19) сентября 1908 г. в «Русских ведомостях» [Ожешко 1908] (в польской прессе см., напр.: [Orzeszkowa 1908]), а ответ Пруса — 11 (24) сентября 1908 г. в «Речи» [Прус 1908] (в польской прессе см., напр.: [Prus 1908]).

⁹ Толстой среди прочего писал: «Что же касается до подробностей того дела, о котором вы пишете: о приготовлении прусского правительства к ограблению польских землевладельцев крестьян, то и в этом деле мне больше жалко тех людей, которые устраивают это ограбление и будут приводить его в исполнение, чем тех, кого ограбят. [...] Я думаю, что и теперь для всякого нравственно чуткого человека не может быть сомнения в выборе: быть пруссаком, солидарным со своим правительством, или изгоняемым из своего гнезда поляком. [...] Простите, если письмо мое не отвечает тому, чего вы от меня желали» [Толстой 1956: 273].

¹⁰ Во всех цитатах сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

мистицизм и сектантство он показывал как следствие векового социального рабства — «недоли и неволи» — русских. Здесь обнаруживаются намеки как на долгий период существования крепостной зависимости в России (в отличие от Царства Польского и остальной Европы), так и на «неправильное» (отпавшее от католицизма) русское христианство.

В таком контексте традиционное сравнение Толстого с Ж.-Ж. Руссо начинало предстать в новом свете — на первый план невольно выдвигалась отсталость взглядов русского писателя даже по сравнению с французским автором XVIII в.:

Jest to pod pewnym względem wasz Rousseau z dodatkiem słowiańskiego mistycyzmu, skłonnego do wiary, że prawdziwa rzeczywistość zaczyna się dopiero po drugiej stronie życia. [...] Zachodzi przytem między nimi i ta różnica, że Rous[s]eau jest kosmopolitą — Tołstoj chce nim być tylko. Pierwszy streścił, uświadomił i wypowiedział idee, których atomy krążyły już, jako reakcyja przerw [przeciw. — И. П.] konwencyonalnej marności życia, nietylko w głowach filozofów, lecz i wśród wykształceńszych ludzi całej Europy; przez drugiego odzywa się dusza ludu specyficznie rosyjska. Z tego powodu Tołstoj jest też jednym z najbardziej narodowych waszych pisarzy. Jego słowiańsko-rosyjski charakter tkwi także i w tym, że, mogąc być wielkim artystą, woli być apostołem [Ibid.]. — Это под определенным углом зрения ваш Руссо с добавлением славянского мистицизма, склонного верить, что подлинная действительность начинается лишь по ту сторону жизни. [...] При этом между ними также наблюдается та разница, что Руссо — космополит, — Толстой же только хочет им быть. Первый сформировал, осознал и высказал идеи, атомы которых уже витали, как реакция против конвенциональной брэнности бытия, не только в головах философов, но и среди образованнейших людей всей Европы; через второго говорит специфически русская душа народа. По этой причине Толстой является тоже одним из самых национальных ваших писателей. Его славянско-русский характер коренится также и в том, что, могучи быть великим художником, он предпочитает быть апостолом.

Сенкевич не случайно привлек здесь столь значимую для Толстого фигуру Руссо. Сравнение Толстого с Руссо позволяло польскому писателю педалировать не сходство между ними, а различие. С точки зрения Сенкевича, Руссо — европейский философ, изложивший актуальные для своего времени идеи, в то время как Толстой — «апостол»¹¹, проповедник отсталых, коренящихся в славянском мистическом сознании взглядов. Тем самым Сенкевич подчеркивал, что Толстой не только не стал продолжателем Руссо, но даже не достиг его уровня.

Именно толстовское учение Сенкевич воспринимал как образец русской ретроградности:

¹¹ Отметим, что характеристика Толстого как апостола восходит к заголовку статьи Вильяма Дженнингса Брайана (William Jennings Bryan) «Толстой, апостол любви» («Tolstoy, The Apostle of Love», 1904) [см.: Волкова 1956: 18].

W istocie rzeczy bowiem, dla duszy zachodniej, wyhodowanej w kulturze łacińskiej, rozmiłowanej w życiu, czynnej, zapobiegliwej i gotowej do walki ze wszystkim tem, co potęgę i radość tego życia umniejsza — niemasz nic przeciwniejszego od tych podniosłych, ale zbyt pierwotnych koncepcyj tołstojowskich, w których idylla ewangeliczna ma za podkład bierność wobec zła i jakby buddaistyczne wyrzeczenie się — zarówno organizacyi społecznej, jak i walki z przeciwnościami i zdobywania szczęścia, a nawet i rozkoszy. Narzucić światu tego rodzaju koncepcye, wypowiedzieć je w taki sposób, by zmusić inteligencyę zachodnią do rozważania ich i do zaliczenia w poczet nowych prądów, mógł tylko tak wielki talent i takiej miary artysta [Ibid.]. — Ибо, по сути дела, для западной души, воспитанной в латинской культуре, влюбленной в жизнь, деятельной, заботливой и готовой бороться со всем тем, что силу и радость этой жизни уменьшает, — не существует ничего более противного этим возвышенным, но слишком первозданным толстовским концепциям, в которых евангелическая идиллия имеет основой безучастность к злу и словно бы буддистское отречение — как от общественной организации, так и от борьбы с превратностями, и от завоевывания счастья, и наслаждения даже. Навязать миру такого рода концепции, выразить их таким способом, чтобы заставить западную интеллигенцию обдумывать их и зачислить в ряд новых течений, мог только такой великий талант и такого масштаба художник.

Отказывая толстовскому учению в статусе философской доктрины («слишком первозданные [...] концепции»)¹², Сенкевич считал идеи Толстого отражением русской несвободы и мистицизма («евангелически-анархистская идиллия» — «ewangeliczno anarchiczna idylla» [Ibid.]). Следствием этих свойств русского бытия стало проповедуемое Толстым «непротивление злу насилем», что, по мнению Сенкевича, обращается полной пассивностью, равнодушием к своему и чужому положению и в итоге — «безучастностью к злу». Как нам представляется, таким образом Сенкевич откликнулся на недавнее письмо Толстого и его отношение к ситуации поляков в Пруссии.

Вместе с тем польский писатель видел заслугу Толстого в том, что тот кардинально изменил европейское представление о России:

Rosya była przed Tołstojem znana jako dziwne, ogromne i starzejące się w bezdusznych formach państwo — on ukazał ją światu, jako dziwny, ogromny i młody lud [Ibid.]. — Россия до Толстого была известна как странное, огромное и стареющее в бездушных формах государство — он явил ее свету как странный, огромный и молодой народ.

Иными словами, благодаря Толстому Европа за архаичной бюрократической системой России разглядела наконец витальную нацию.

¹² Идеи Толстого, не только соответствующие тенденциям в европейской культуре и науке того времени [Ореханов 2010: 51], но также перекликающиеся с современными ему поисками в протестантском богословии [Ibid.: 107], в Западной Европе воспринимались как сформированная доктрина (сам писатель никогда не определял их как законченное учение [Ibid.: 24]).

В итоге каждый из членов оппозиции «Россия — Европа» в юбилейном отклике Сенкевича складывается из следующих элементов: Россия — славянское наследие, аскетизм, внутренний конфликт государства и нации, мистическое сознание (и подспудно — православие); Европа — античная традиция, жизнелюбие, единство государства и нации, церковное сознание и католицизм.

* * *

В отличие от Сенкевича, анонимный автор объемной юбилейной статьи, опубликованной 10 сентября 1908 г. в газете «Przegląd Poranny»¹³, отталкивался от оппозиции «национальный — мировой» (где ‘мировой’ означает ‘всемирный’). Свой взгляд автор выстраивал, полемизируя с восприятием Толстого рядом европейских авторов как сугубо русского художника:

Jeśli istotnie Lew Tołstoj jest li-tylko przedstawicielem swego ludu i swojej rasy, jeśli istotnie nie odczuwa «wewnętrznych melodji» cywilizacji zachodniej i niesprawiedliwie, zewnątrznie sądzi jej słabości i śmieszności, jeżeli istotnie azjatycką i barbarzyńską jest ta «mieszanina anarchizmu i askezy», która tworzy jego «religię», religię wzgardy nie dla wiedzy i nawet nie dla własności i prawa, ale dla bałwochwalstwa przed wiedzą, własnością i prawem li-tylko pisanem — czyż można byłoby zrozumieć ów dziwny czar, który jego proste, głębokie natchnione pisma we wszystkich mowach świata wywierają pod każdą szerokością geograficzną na każdy umysł zatrzymujący się na jego kartach? czem można byłoby wytłomaczyć ów szum nowych pojęć i dążeń jakie budzą na przeciwległych krańcach świata? i czy można byłoby wyjaśnić zagadkę, dlaczego dzień dzisiejszy stał się naprawdę świętem ideowem całej ludzkości? [Przegląd Poranny 1908]. — Если Лев Толстой действительно является всего лишь представителем своего народа и своей расы, если действительно не ощущает «внутренних мелодий» западной цивилизации и несправедливо, извне судит ее слабые и смешные стороны, если действительно азиатской и варварской является эта «смесь анархизма и аскетизма», которая составляет его «религию», религию презрения не к знаниям и даже не к собственности и закону, но к идолопоклонничеству перед знаниями, собственностью и всего лишь писанным законом, — разве можно было бы понять то удивительное очарование, которое оказывают его простые, глубокие, вдохновенные сочинения на всех языках мира на каждой географической широте на каждый ум, задерживающийся на его страницах? чем можно было бы объяснить тот шум новых представлений и стремлений, которые они пробуждают на противоположных концах света? и разве можно было бы объяснить загадку, почему сегодняшний день стал в самом деле идейным праздником всего человечества?

¹³ В 1909 г. с тиражом 24 000 экз. это издание было третьей по читаемости варшавской газетой [см.: Kmiecik 1976: 111].

Вставая на точку зрения представителя западноевропейской культуры, польский автор показывал характерное для нее восприятие Толстого как чуждого инокультурной аудитории писателя и как создателя «религии», в корне противостоящей европейскому изводу христианства, являющей собой сплав азиатского («аскетизм») и варварского («анархизм»). Вместе с тем автор походя отмечал, что «западная цивилизация» не лишена недостатков, «слабых и смешных сторон», а религиозная составляющая заменена в ней «идолопоклонничеством» перед светскими и рациональными ценностями.

Западноевропейскому взгляду автор противопоставлял восприятие Толстого как творца, который излагает и распространяет по всему миру вечные истины. Во фрагменте «удивительное очарование, которое оказывают его простые, глубокие, вдохновенные сочинения на всех языках мира на каждой географической широте на каждый ум» фактически парафразировалось понятие апостольства, а Толстой тем самым представлялся новым апостолом, несущим божественное знание народам.

В другом месте автор обращался к чуждому ему германоцентричному взгляду на Толстого, апеллируя к печатному высказыванию некоего немецкого критика¹⁴:

Pewien, bardzo wykwiniony zresztą krytyk niemiecki właśnie w tych dniach uznał nawet za właściwe przestrzec lekkomyślnych entuzjastów tołstojowskich w Zachodniej Europie aby nie zapominali, że religia samotnika z Jasnej Polany ma bardzo niewiele punktów stycznych z ideałami współczesnej kultury, że nawet jest bardzo kategorycznym zaprzeczeniem wszystkiego co w Berlinie, a nawet i w Wiedniu uważane jest za cywilizację i oświecenie [Ibid.]. — Один весьма утонченный, впрочем, немецкий критик именно в эти дни даже посчитал правильным предупредить легкомысленных толстовских энтузиастов в Западной Европе, чтобы не забывали, что религия отшельника из Ясной Поляны имеет очень немного точек соприкосновения с идеалами современной культуры, что она даже является весьма категоричным отрицанием всего, что в Берлине, да даже и в Вене, считается цивилизацией и просвещением.

Немецкий критик противопоставлял идеалы Толстого-мыслителя идеалам современной европейской культуры, но под Европой при этом подразумевались только Берлин и Вена. Здесь отчетливо заметна ирония над узостью такого взгляда на Толстого и русскую культуру в целом, которую польский автор воспринимал как часть мировой культуры.

Сам он, сдержанно-скептически относясь к религиозному аспекту деятельности позднего Толстого, определял ее как «нравственно-моральное апостольство» («apostolstwo obyczajowo-moralne» [Ibid.]),

¹⁴ Выявление этой публикации требует дальнейших изысканий.

акцентируя тем самым этическую сторону. В толстовских религиозных взглядах он обращал внимание не на сектантский, а на учительный момент, отмечая, например, что Толстой «на чистые идеи Христовы указывает [...] как на единственную цель жизни» («W czystych ideach Chrystusowych wskazuje [...] jedyny cel życia» [Ibid.]). Более того, автор подчеркивал, что в своих взглядах Толстой «дошел до фанатизма» («doszedł do fanatyzmu» [Ibid.]), однако в таком контексте «фанатизм», сопоставляемый со страстностью апостолов в своем служении, не был негативной характеристикой.

Под истинной проповедью Толстого в публикации подразумевалось его художественное творчество:

Dziś jest dzień jubileuszu Lwa Tołstoja — dzień czci składanej jednemu z tych, którzy z otaczającej ich przyrody, z prochu ziemi, z którego powstałi, umieli wydobyć zakłęciem geniuszu nie tylko pył barw przemijających ale i pierwiastki wiecznie twórcze, — i którzy depcząc przesady, uprzedzenia i błędy, wśród jakich wzrosłi, zapatrzeni w wiekiasty blask prawd niezmiennych, z niewzruszonym spokojem torują drogi różnej i dalekiej przyszłości [Ibid.]. — Сегодня день юбилея Льва Толстого — день чести, воздаваемой одному из тех, кто из окружающей их природы, из праха земли, из которого они восстали, умел заклинанием гения добыть не только пыль преходящих красок, но и начала вечно созидательные, — и кто, топчя предрассудки, предубеждения и ошибки, среди которых они выросли, следуя вечному блеску неизменных истин, с невозмутимым спокойствием прокладывает пути близкому и далекому будущему.

Следует особо подчеркнуть, что только в этой публикации Толстой был напрямую назван гением. При этом его художественное творчество уподоблялось учению: автор отмечал в нем подобные божественным «начала вечно созидательные» и «вечный блеск неизменных истин». Показательно также, что из толстовских произведений далее он выделял «Воскресение» и «Живой труп» (в публикации — «Труп»/«Труп»), в которых присутствует отчетливая критика православной церкви. Таким образом указывалось, что, став религиозным мыслителем, Толстой как писатель обрел второе дыхание.

Обозначая нераздельность в Толстом художника и мыслителя, польский автор показывал его как гения мирового масштаба, чье творчество — достояние общечеловеческой культуры:

Jest dziś prawdziwie świąteczny dzień w rodzinie ludów świata. Wszędzie gdzie myśl ludzka chce i umie odrywać się od nizin rzeczy i spraw powszednich, wszędzie gdzie serce człowieka szuka celu dla umiłowań i pragnień szlachetniejszych niż te, za którymi goni znikoma namiętność chwili, wszędzie gdzie ponad szarą pajęczyną życia, pełną potu, błota i krwi, wytwarzają się ogniki płomienie czy blaski ideałów — wszędzie tam rozbrzmiewa dziś to samo imię, — imię jedno z tych największych,

najpiękniejszych najbardziej czczonych, jakie trwać będą na całą wieczność w dziejach umysłowej kultury człowieczeństwa, — тем нам bliższe, że носи je człowiek żywy, człowiek naszego czasu [...] [Ibid.]. — Сегодня воистину праздничный день в семье народов мира. Везде, где человеческая мысль хочет и умеет отрывать от низов повседневных вещей и дел, везде, где сердце человека ищет цель для любовей и желаний более благородных, чем те, за которыми гоняется ничтожная страсть момента, везде, где над серой паутиной жизни, полной пота, грязи и крови, возникают огоньки, пламена или блески идеалов, — там везде раздается сегодня одно и то же имя — имя одно из тех наивеличайших, наипрекраснейших, наиболее чтимых, которые на целую вечность будут оставаться в истории умственной культуры человечества, — тем нам ближе, что его носит человек живой, человек нашего времени [...].

Разделяя идею мирового единства, автор подчеркивал общность народов и культур («семья народов мира», «умственная культура человечества»). Вместе с тем он противопоставлял «высокое» в значении 'возвышенное, вечное' («любви и желания более благородные», «огоньки, пламена или блески идеалов») и «низкое» как синоним низменного («низы повседневных вещей и дел»), грязного («серая паутина жизни, полная пота, грязи и крови»), физиологичного («ничтожная страсть момента»). Если «высокое» соотносилось с Толстым, то «низкое» имплицитно проецировалось на Достоевского, творчество которого критика, в том числе польская, неоднократно упрекала в патологичности¹⁵.

* * *

Иной взгляд на Толстого был представлен в конкурирующем с газетой «Przegląd Poranny» издании «Kurier Warszawski»¹⁶. Анонимный автор небольшой юбилейной заметки специально уходил от оппозиции «Россия — Европа», нигде не используя характеристику «европейское». Он исходил из противопоставления «национальный — мировой» (где «мировой»/«международный», в отличие от публикации в газете «Przegląd Poranny», понимается как интернациональный), изначально отмечая:

¹⁵ О польской рецепции Достоевского см. прежде всего: [Wedemann 2010]. 7 марта 1887 г. писатель С. Жеромский записал в дневнике: «Wczoraj całą prawie noc przepędziłem na czytaniu pierwszego tomu *Przestępzenie i nakazanie* Dostojewskiego. [...] te obrazy — są wstrząsające, gniotące, niemożliwe do czytania. [...] To nie ludzie, ale psy sparszywiałe, wyrzucone na gnojowiska. Taka Sonia — prostytutka, utrzymująca ojca pijaka. Straszne!» [Żeromski 1954: 160]. — Вчера всю почти ночь я провел за чтением первого тома «Преступления и наказания» Достоевского. [...] эти образы — потрясающие, подавляющие, невозможные для чтения. [...] Это не люди, а паршивые псы, выброшенные на навозные кучи. Такая Соня — проститутка, содержащая отца-пьяницу. Ужасно!

¹⁶ «Kurier Warszawski» был ведущей ежедневной газетой Царства Польского. В 1909 г. тираж этого издания составлял 33 000 экз. [см.: Kmieć 1976: 111].

Imię Tolstoja należy w równej mierze do literatury rosyjskiej, jak międzynarodowej, to też dzień dzisiejszy, dzień jubileuszu, wielkiego pisarza rozbrzmiewa szerokiemi echem po całym świecie cywilizowanym [Kurier Warszawski 1908]. — Имя Толстого принадлежит в равной мере к литературе как русской, так и международной, поэтому сегодняшний день, день юбилея великого писателя широким эхом раздается по всему цивилизованному миру.

Подчеркивая, что «следует взвешенно оценивать в нем отдельно: художника, мыслителя и человека» («należy właściwie rozważać w nim oddzielnie: artystę, myśliciela i człowieka» [Ibid.]), автор заметки останавливался на первых двух ипостасях Толстого, отталкиваясь при этом от текста Сенкевича:

Мыслителя scharakteryzował w sposób zwięzły Sienkiewicz, wykazując, jak artysta torował drogi apostołowi doktryny, i jak ten ostatni oryginalnością swych koncepcji zdawał zainteresowanie dla artysty. W ostatnich jednak latach filozof swoistej doktryny coraz bardziej zaczął zasłaniać sobą artystę [Ibid.]. — Мыслителю сжатую характеристику дал Сенкевич, показывая, как художник прокладывал пути апостолу доктрины и как тот последний оригинальностью своих концепций удваивал интерес к художнику. Однако в последние годы философа оригинальной доктрины все больше начал заслонять собой художника.

В качестве отправной точки автор использовал сенкевичевское противопоставление Толстого как художника и проповедника, которое развивал, однако, по-своему. В его восприятии у Толстого писательская и философская ипостаси долгое время были взаимообусловлены: духовные искания художника подготавливали почву для мыслителя, а оригинальный мыслитель усиливал внимание к художнику. В последнее же время мыслитель стал превалировать над художником, тогда как, по мнению автора, в Толстом должен преобладать художник, если сбалансированное существование двух начал невозможно. Преимущество толстовской писательской ипостаси перед философской обосновывалось тем, что в Толстом-художнике сочетаются национальный и интернациональный компоненты (поэтому он как русский писатель доступен инокультурной публике), в то время как в Толстом-мыслителе — «философе оригинальной доктрины» — присутствует только национальный компонент, чуждый иностранной аудитории.

Далее автор обращался к характеристике в Толстом-писателе национального и интернационального:

A przecież Tolstoj jest głównie wielkim artystą. Głęboki psycholog a zarazem przedziwny plastyk, umie stwarzać obrazy nieprzemijające, dobywając z najbliższego środowiska pierwiastki ogólnie ludzkie, zabarwione we właściwy mu sposób pewną mgłą sceptycyzmu [Ibid.]. — А ведь Толстой — прежде всего великий художник. Глубокий психолог и одновременно дивный живописатель, он

умет создавать непреходящие образы, извлекая из ближайшего окружения общечеловеческие черты, окрашенные в свойственной ему манере неким туманом скептицизма.

В художественном творчестве Толстого польский автор отмечал, с одной стороны, наднациональные черты, отразившиеся в универсальности проблематики, «непреходящих образах» и «общечеловеческих чертах», с другой — специфически русскую черту, которую он видел в «скептицизме», или «недовольстве окружающим миром» («niezadowolenie ze świata otaczającego» [Ibid.]). Прибегая к более чем странной метафоре «русской лютни», он описывал два способа проявления этого свойства в русской литературе:

Dwie zaś są struny w lutni rosyjskiej, obiedwie pełne rozdźwięków: jedna satyry i ironji, druga owej swoistej «toski», której niepodobna przetłumaczyć przez polską tęsknicę. W obydwóch brzmi niezadowolenie ze świata otaczającego, lecz ujawnia się inaczej: w pierwszej jaskrawo, drwiącym protestem, w drugiej — pod gazą zaziemskiego niemal mistycyzmu. Ten ostatni ton wzmagał się stopniowo w twórczości Tołstoja i znalazł później najwyższe swoje napięcie w doktrynach myśliciela [Ibid.]. — Есть же две струны в русской лютне, обе полные разлада: одна — сатиры и иронии, вторая — той своеобразной «тоски», которую невозможно перевести как польское tęsknica [грусть. — И. П.]. В обеих звучит недовольство окружающим миром, но проявляется оно по-разному: в первой — резко, язвительным протестом, во второй — под вуалью неземного почти мистицизма. Этот последний тон постепенно усиливался в творчестве Толстого и позже достиг наивысшего своего напряжения в доктринах мыслителя.

Здесь автор противопоставлял два типа русского художника. Он выделял, условно говоря, «активно-деятельное» и «пассивно-созерцательное» недовольство миром как оппозицию «сатиры и иронии», с одной стороны, «тоски» и «мистицизма» — с другой (подчеркивалось при этом, что русская 'тоска' — понятие более сложное, чем 'грусть', а потому его смысл инокультурной аудитории полностью недоступен). Если реакция на окружающую российскую действительность, связанная с «тоской» и «неземным почти мистицизмом», соотносилась с Толстым (меланхолическое начало), то противоположная ей, связанная с высмеиванием и разоблачением, — с Достоевским (саркастическое начало).

Однако, выстроив эту оппозицию, автор тут же ее разрушал:

W koncepcjach artystycznych Tołstoja jest i sceptycyzm i pesymizm, jest jednak i wielkie umiłowanie ludzkości, które miało rzekomo nadać im charakter kosmopolityczny. Tak jednak nie jest: Tołstoj pozostał zawsze na wskrós rosyjskim, jeżeli zaś zrozumiemy jest dla całego świata, wynika to z siły każdego geniuszu, który wypowiada myśli zawsze w sposób jasny i nie dwuznaczny [Ibid.]. — В художественных концепциях Толстого есть и скептицизм, и пессимизм, есть, однако, и огромная любовь к человечеству, которая будто бы должна была придать им космополитический характер. Однако это не так: Толстой навсегда

остался насквозь русским, если же он понятен всему миру, то это является следствием силы каждого гения, который всегда высказывает мысли ясным и недвусмысленным способом.

Автор считал «скептицизм» и «пессимизм» Толстого сугубо русскими чертами, а его человеколюбие, гуманизм — чертой «космополитической» (т. е. интернациональной, в отличие от сенкевичевского использования этого слова в значении 'всемирный'). Подчеркнув момент «разлада» («roz-dźwięk») между этими свойствами, автор пришел к выводу, что в писателе национальная составляющая преобладает над интернациональной.

Более того, в скупой на оценки биографической справке автор определил толстовское учение как «смесь анархизма и аскетизма» («mieszanie anarchizmu i askezy» [Ibid.]), акцентируя не только его русскость (анархизм и аскетизм восходят к скептицизму и пессимизму), но также антигуманистичность (анархизм связан с отказом от соблюдения общественных норм, аскетизм — с отказом от мира). Таким образом автор подспудно отмечал в Толстом «активно-деятельное» начало и обозначал его связь с Достоевским.

* * *

Итак, в приуроченных к толстовскому юбилею польских публикациях 1908 г. в той или иной степени была задействована оппозиция «Россия — Европа», которая актуализировалась двумя способами: путем представления Толстого как чуждого европейской культуре писателя и религиозного мыслителя или же как художника мирового масштаба, чье творчество принадлежит мировой культуре. Обозначенные тенденции напрямую соотносились с проевропейской и пророссийской позициями польской интеллигенции. Если в первом случае задействованным оказывалось противопоставление русской и польской культур как варварской и европейской, то во втором случае, пусть и в редуцированном виде, акцентировалась их общность.

Библиография

Бялокозович 1965

Бялокозович Б. [Я.], Толстой в Польше (1858–1962), *Толстой и зарубежный мир*, 2 (= Литературное наследство, 75), Москва, 1965, 249–296.

Волкова 1956

Толстой Л. Н., *Полное собрание сочинений*, Т. Н. Волкова, подг. текста и комм., 75, Москва, 1956.

Зорин 2018

Зорин А. [Л.], «Особый путь России» — идея трансформационного прорыва в русской культуре, «*Особый путь*»: от идеологии к методу, Атнашев Т. [М.], Велижев М. [Б.], Зорин А. [Л.], сост., Москва, 2018, 36–51.

Лескинен 2002

Лескинен М. В., *Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой*, Москва, 2002.

Липатов 2014

Липатов А. В., Историко-цивилизационный фактор инонационального восприятия (на примере польского отношения к русскости), *Россия и русский человек в восприятии славянских народов*, Липатов А. В., Созина Ю. А., отв. ред., Москва, 2014, 50–66.

Ореханов 2010

Ореханов Г., свящ., *Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников*, Москва, 2010.

Оржешко 1908

Оржешко Эл., Лев Толстой. (Письмо в редакцию. Перевод с польского), *Русские ведомости*, 207, 1908, 6 сентября, 2.

Прус 1908

Прус Б., По поводу юбилея, *Речь*, 217, 1908, 11 (24) сентября, 2.

Сенкевич 1908

Сенкевич Г., Лев Толстой. (Перевод с рукописи), *Русские ведомости*, 199, 1908, 28 августа, 2.

Толстой 1956

Толстой Л. Н., *Полное собрание сочинений*, 77, Москва, 1956.

Штульц 1965

Штульц Х., Толстой в Германии (1856–1910), *Толстой и зарубежный мир*, 2 (= Литературное наследство, 75), Москва, 1965, 207–248.

The Daily News 1908

A Book of the Day, *The Daily News*, 1908, September 10, 3.

Gerlecka 1960

Gerlecka R., Z dziejów recepcji Lwa Tołstoja w Polsce, *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. Nauki filozoficzne i humanistyczne*, 15, 1960, 147–174.

Grzegorzczak 1964

Grzegorzczak P., *Lew Tołstoj w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki*, Warszawa, 1964.

Kmieciak 1976

Kmieciak Z., Prasa polska w zaborze rosyjskim w latach 1905–1915, *Historia prasy polskiej*, J. Łojek, red., 2, Warszawa, 1976, 58–113.

Księga świata 1858

Współcześni literaci rosyjscy, *Księga świata. Wiadomości z dziedziny nauk przyrodzonych, historii krajów i ludów, żywoty znakomitych ludzi, podróże, opisy ciekawych miejscowości, wód słynniejszych, odkrycia i wynalazki, ważniejsze zajęcia przemysłowe, obrazy towarzyskie, statystyczne, ekonomiczne i t. p. z rycinami na stali czarnymi, kolorowanymi, oraz drzeworytami*, 2, 1858, 179–181.

Kurier Warszawski 1908

Lew Tołstoj. (1828–1908.), *Kurier Warszawski*, 251, 1908, 10 września, 2.

Orzeszkowa 1908

Orzeszkowa o Tołstoju, *Tygodnik mód i powieści*, 40, 1908, 3 października, 3.

Prus 1908

Bolesław Prus o Tołstoju, *Dziennik Kijowski*, 200, 1908, 14 (27) września, 2.

Przegląd Poranny 1908

Jubileusz Lwa Tołstoja 1828–1908, *Przegląd Poranny*, 252, 1908, 10 września, 1.

- Semczuk 1956
Semczuk A., «Zmartwychwstanie» Lwa Tołstoja w polskiej opinii, *Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego*, 3–4 (16–17), 1956, 3–64.
- Sienkiewicz 1907
Un Appel de Sienkiewicz à l'Opinion publique, *L'Écho de Paris*, 8587, 1907, 18 Decembre, 1.
- 1908a
Sienkiewicz o Tołstoju, *Czas*, 204, 1908, 5 września [wyd. wieczorne], 2.
- 1908b
Henryk Sienkiewicz o Tołstoju, *Kurier Poznański*, 204, 1908, 5 września, 1–2.
- 1908c
Sienkiewicz o Tołstoju, *Nowa Gazeta*, 412, 1908, 7 września [wyd. wieczorne], 3.
- 1908d
Henryk Sienkiewicz o Tołstoju, *Goniec Wieczorny*, 412, 1908, 7 września, 1.
- 1908e
Sienkiewicz o Tołstoju, *Kurier Polski*, 251, 1908, 10 września (28 sierpnia), 1.
- Venkov 1908
[annonce:] L. N. Tolstoj, Vojna a mír, nakladatelství J. R. Vilímka, *Venkov*, 210, 1908, 6 záři, 10.
- Wedemann 2010
Wedemann M., *Polonofil czy polakożerca? Fiodor Dostojewski w piśmiennictwie polskim lat 1847–1897*, Poznań, 2010.
- Żeromski 1965
Żeromski S., *Dzienniki*, 2, Warszawa, 1954.

References

- Białokozowicz B., Tolstoj v Pol'she (1858–1962), *Tolstoj i zarubezhnyi mir*, 2 (= Literaturnoe nasledstvo, 75), Moscow, 1965, 249–296.
- Gerlecka R., Z dziejów recepcji Lwa Tołstoja w Polsce, *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. Nauki filozoficzne i humanistyczne*, 15, 1960, 147–174.
- Grzegorzczak P., *Lew Tołstoj w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki*, Warszawa, 1964.
- Kmieciak Z., Prasa polska w zaborze rosyjskim w latach 1905–1915, *Historia prasy polskiej*, J. Łojek, red., 2, Warszawa, 1976, 58–113.
- Leskinen M. V., *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noi ideologii Rechi Pospolitoi*, Moscow, 2002.
- Lipatov A. V., Istoriko-tsvivilizatsionnyi faktor inonatsional'nogo vospriiatiiia (na primere pol'skogo otnosheniia k russkosti), *Rossia i russkii chelovek v vospriiatii slavianskikh narodov*, Lipatov A. V., Sozina Yu. A., eds., Moscow, 2014, 50–66.
- Orekhanov G., *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i L. N. Tolstoj: konflikt glazami sovremennikov*, Moscow, 2010.
- Semczuk A., “Zmartwychwstanie” Lwa Tołstoja w polskiej opinii, *Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego*, 3–4 (16–17), 1956, 3–64.
- Shtults Kh., Tolstoj v Germanii (1856–1910), *Tolstoj i zarubezhnyi mir*, 2 (= Literaturnoe nasledstvo, 75), Moscow, 1965, 207–248.
- Wedemann M., *Polonofil czy polakożerca? Fiodor Dostojewski w piśmiennictwie polskim lat 1847–1897*, Poznań, 2010.
- Żeromski S., *Dzienniki*, 2, Warszawa, 1954.
- Zorin A., “Osobyi put' Rossii” — ideia transformatsionnogo proryva v russkoi kul'ture, *Osobyi put': ot ideologii k metodu*, Atnashev T., Velizhev M., Zorin A., eds., Moscow, 2018, 36–51.

Joanna Piotrowska, Ph.D.

Uniwersytet Warszawski, Wydział Lingwistyki Stosowanej, adiunkt
ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa
Polska/Poland
j.piotrowska@uw.edu.pl

Received November 18, 2018